

УДК 81'282.2

DOI: 10.17223/19986645/66/7

Я.В. Мызникова

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРА НА РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЕЙ¹

Выявляются особенности диалектного дискурса, которые могут быть обусловлены гендерными характеристиками информантов. Различия мужских и женских диалектных текстов видны уже на уровне тематической организации. Интерес женщины направлен внутрь своего микросоциума, семьи, хозяйства. Тематика мужских текстов затрагивает внешнее окружение человека, работу, промыслы. Мужские и женские тексты имеют различия в области лексики, синтаксических конструкций. Социальная активность и наличие обращения у информанта могут нивелировать влияние гендерного фактора на организацию текста.

Ключевые слова: коммуникативная диалектология, гендер, гендерология, диалектная лексика, метаязыковые высказывания.

Вводные замечания

Актуальность в последние десятилетия в языкознании антропоцентрической парадигмы, интерес к субъективному в языке обусловили интенсивное развитие гендерных исследований. В последние годы в лингвистической гендерологии появляются работы методологического характера, рассматриваются вопросы разработки общенаучных подходов к изучению гендера в лингвистике.

А.В. Кирилина и М.В. Томская выделяют две основные группы проблем в исследовании гендера в языкознании. Во-первых, это язык и отражение в нем пола, т.е. описание и объяснение того, как манифестируется в языке наличие людей разного пола, какие оценки приписываются мужчинам и женщинам и в каких семантических областях они наиболее заметно / отчетливо выражены. Во-вторых, это речевое и в целом коммуникативное поведение мужчин и женщин, где выделяются типичные стратегии и тактики, гендерно специфический выбор единиц лексикона, способы достижения успеха в коммуникации, предпочтения в выборе лексики, синтаксических конструкций и т.д., т.е. специфика мужского и женского говорения [1].

Среди концептуальных подходов в гендерных исследованиях преобладают два основных: теория социокультурного детерминизма и теория биодетерминизма. А.В. Кирилина отмечает, что современное состояние гендерологии не позволяет отдать явное предпочтение ни причинам биологи-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-29-09021.

ческого порядка, ни социокультурным доминантам. В научном дискурсе присутствуют в большей или меньшей степени обоснованные доказательства воздействия как первых, так и вторых причин. Поэтому сегодня можно говорить о биосоциальном характере полового диморфизма [2].

Многие психолингвисты в качестве рабочей принимают гипотезу функциональной асимметрии мозга, подчеркивающую различия в специализации функций полушарий мужского и женского мозга. Е.И. Горошко, используя экспериментальные методы исследования, анализирует письменные тексты и показывает влияние на речевое поведение не только пола, но и возраста, уровня образования и характера социальной активности испытуемых, вновь подтверждая биосоциальный характер гендера. Эксперименты продемонстрировали, что наименьшие гендерные различия обнаруживаются у лиц с высшим образованием, занятых интеллектуальной деятельностью [3].

В результате исследований устной и письменной речи учеными выделены и проанализированы особенности мужских и женских текстов на разных уровнях языковой системы (см., например, [4, 3]). Среди таких черт традиционно выделяют объем фраз / предложений (тексты мужчин существенно короче текстов женщин); использование экспрессивно-оценочной лексики (в речи мужчин преобладают рационалистические оценки, редко присутствуют эмоциональные и сенсорные); эмоциональность речи (женская речь более эмоциональна, её характеризует более частое использование междометий типа *ой!*); связность и логичность речи (более связна и логична у мужчин), в мужской речи отмечаются также терминологичность, стремление к точности номинаций, более сильное влияние фактора «профессия» и др. Что касается тематического насыщения текстов, то для женщин характерно включение в ход разговора тематики, которую порождают обстановка речи, действия, которые производят говорящие, что может быть связано не столько с полом женщин, сколько с их социальными ролями.

В последние два десятилетия появляются работы, содержащие обзор основных направлений изучения гендера в зарубежной и отечественной лингвистике, выявляются перспективы лингвистической гендерологии [5, 6]. Р. Вардхау, подводя итоги гендерным исследованиям за прошедшие десятилетия, присоединяется к социокультурному подходу к гендеру и рассуждает о возможности сделать язык менее «сексистским» при условии меньшей дифференциации ролей в процессе воспитания мальчиков и девочек [7].

Материалом для гендерных исследований могут служить самые разнообразные источники: от художественного текста [8–10] до современной спонтанной речи [11].

В связи с тем, что «формирование лингвистической гендерологии невозможно без обращения к данным диалектного языка, фиксирующего речь реальных людей в реальной коммуникации», Т.А. Демешкина и М.А. Толстова предлагают выделить такую область исследования, как гендерная диалектология [12. С. 85]. Исследователи указывают, что гендерная

диалектология пока находится в стадии становления, однако гендерные данные всегда фиксируются и учитываются в диалектологических исследованиях, в частности при изучении различных тематических групп лексики, при анализе особенностей речевого жанра автобиографического рассказа, при исследовании языковой личности, произведений фольклора [12. С. 86].

Данное исследование по своим целям и методам не является ни социолингвистическим, ни психолингвистическим, поэтому не предполагает использование экспериментальных методик и статистических подсчётов числа тех или иных языковых единиц в мужских и женских текстах. Гендерный подход предполагается использовать в рамках и в качестве элемента диалектологического исследования. Гендер рассматривается не как объект исследования, а именно как фактор, который необходимо учитывать для плодотворного сбора и описания диалектного материала.

Материалом для исследования послужили записи русских говоров Среднего Поволжья, сделанные с 2012 по 2017 г. в ходе диалектологических экспедиций в населённые пункты Старомайнского, Чердаклинского и Мелекесского районов Ульяновской области, а также тексты, опубликованные С.А. Мызниковым («Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл», 2005 г.). Тексты записаны от пожилых информантов, которые являются членами традиционного сельского социума. Собиратель-диалектолог естественным образом стремится записывать речь наиболее пожилых и коммуникативно активных диалектоносителей. Абсолютное большинство информантов по экстралингвистическим, социальным обстоятельствам, как правило, составляют женщины. Среди наших аудиозаписей также большинство текстов – записи женской речи, однако при расшифровке записей оказалось, что зачастую записи речи мужчин представляют собой более информативные и интересные тексты с лексической и этнокультурной точки зрения. В результате среди расшифрованных нами текстов оказались записи 11 мужчин и 27 женщин. В опубликованных материалах С.А. Мызникова присутствуют записи восьми информантов-мужчин.

Тематические и аксиологические особенности мужских и женских текстов

Различия мужских и женских диалектных текстов выявляются уже на уровне тематической организации. Как отмечает И.Н. Кавинкина, «тематика проблем у женщин охватывает «ближний» круг жизни человека» [13]. В записанных диалектных текстах это ближайшее предметное и социальное окружение женщины: семья, родственники и соседи, дом и хозяйство, детали деревенского быта. Высокая эмоциональность женщин и социальная вовлечённость благоприятствуют беседе с женщинами-информантами на темы, связанные с духовной культурой: традиционные праздники, свадебный и похоронный обряды, игры, семейные отношения. Таким образом, интерес женщины направлен внутрь «ближнего круга», своего микросоци-

ума. Интересы мужчин зачастую лежат вне «ближнего круга», тематика мужских текстов затрагивает «дальнее» окружение человека. В записанных текстах это, прежде всего, всё, что связано с работой, с сельскохозяйственной деятельностью, это и другие мужские занятия, обусловленные особенностями окружающей природы (рыбная ловля, охота), ремёсла и сельское строительство. Тематика мужских текстов и территориально, и исторически может выходить за рамки жизни своего микросоциума, затрагивать дальнюю историю своей земли, своего рода, местную топонимику и микротопонику, общесоциальную проблематику.

Приведём примеры микротем, которые были инициированы самими информантами-мужчинами в ходе беседы с собирателем¹.

– История рода, фамилии:

Ну вот дома' были эти вот хозяйски / мельница Калёсо'ва / Калёсо'вая вот / Калёсо'ф фамилия / Калёсо'вы / эт тожэ роды / вот Ерасо'вы / вы думаити я один? / пол-Гародишиша Ерасо'вых // ты панимаиш эт только розъехалис // притом Ерасо'вых в Гародишишах один рот / а ф Кайбеле другой рот / оне тожэ Ерасовы / оне когда-та были связаны... // там были корни / которы / ну можэт быть с восемьсотава еишо года можэт / с семисотава / веть захаронения-т находят // Крестово-Городище (М-85; 4 кл.)².

Вот зьдесь улицы / виш каки' названия были? // у нас паны' были // Малькофские Сахофские Далгонофские Миранские Багданофские Быкофские // фсе вот // эт Екатерина што ль // так шо зьдесь поляки // меня приежжали с телявизера-та / спрашивали / «Ты знаиш польский язык?» // кто ш ево знат / кто помнит / кто помнит как полякаф прислали // вот по фамилии только // дет и отец были поляки // или ж она ф плен забрала этих полякаф / и сюда вот в Жыдяефку // Русские Юртукули (М-70; 7 кл.).

– История села:

Што такое «гародишишэ» знаите вы / нет? // население // а у нас «крестова» пачему названа? // кода татарские нашесские была / и он шол / фсе патчинилис / а вот где мы жыли / Симбирка што ли называлась / они не патчинилис // он фсех убил / и плугам перкопал / так и так зьделал / и четыре креста поставил / тут гыт нечысты жывут // Крестово-Городище (М-77; 7 кл.).

Ета мать рассказывала / я радилса' / последний гот оне в единолишнам хозяйстве жали // а уш трицать первам году артель арганизовалас // артель / Красный пахарь назывался / эт в Гародишишах вот / перва / Кайбеле

¹ Фрагменты диалектных текстов приводятся в упрощённой транскрипции, отражающей особенности вокализма говоров Поволжья с неполным оканьем, а также изменение качества согласных в слабых позициях.

² После названия населённого пункта приводятся наиболее значимые сведения об информанте в виде условных обозначений: буквы М и Ж обозначают мужской или женский пол, а цифра после дефиса – возраст информанта, далее указан уровень образования, т.е. число лет обучения, среднее техническое образование (СТ) или среднее специальное образование (СС).

ишишо не была... // а ф колхос как фступали / ну или артель эта назови // заступали кто значит если он заступат / он фсё инвентарь должэн свой / ну плуг был / лошасть / корова / офцы // он фсё должэн туды в калектив весйти / понятна? / а вить люди-ти жыли разны / и богаты / и бедны / а веть в одно места сводили // Крестово-Городище (М-85; 4 кл.).

– Топонимика:

У нас ззесь вот есь Залотое болота / стала быть коли'-та претки брали золата оттуда // вот у нас зьдесь Ути'нска гора / эта река тёкла / и на неё садились утки // а што шас течот река / эта Бро'сава / там бросили // а дальшз гора Попо'ва / там поп построил дом и огромна крутая гора / вот там поп жыл // Красная Река (М-84; 3 кл.).

В книге С.А. Мызникова «Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл» расшифрован большой текст информанта-мужчины 88 лет об истории деревни Нерядово (с. 174–176). Приведём небольшой фрагмент:

Ковда Стенька Разин, Разина розбили, вот он, биг по всём горам, по Волге-то леса были. Эти Стеньки Разина отрывчики вот поселились зьдесь, начиная с Новокушниково и кончая Новинскэй... А потом зьдесь проходил Пугачёв, Пугачёвский взвоз шшытатса зьдесь. Он шёл из Йошкар-Ола в марийской стороне. А когда пришёл к Кокшайский-то, а на Денёшкино гора большая. Вот он решыл на наш взвоз. Так он Пугачёвский взвоз шшыталса. А Нерядово названо, не порядились с ним воёвать не пошли, вот. Он назвал Нерядово, не рядились, эдак разговор-то был (Нерядово Мар. Пос. Чуваш.) [14. С. 174].

Невозможно представить рассказ-воспоминание информанта-мужчины без подведения философских итогов сказанному:

Мы вить жыли в однем веке / а теперь другой век / ты панимаиш / и эпоха другая / трудна конешна вам прецтавить / а мы веть вот эта прошили фсё // Крестово-Городище (М-85; 4 кл.).

Эт русска земля / она чо ни приняла // мы нарот такой / бессмёртный // нас и талочы'ли / нас и мыли / нас и фсё / а мы фсё равно воскреснем и живём // Красная Река (М-84; 3 кл.).

Весела была тогда / жыли трудна / прожывали / но весела была // а сечас живут хорошо / фсё нарядно' / но фсё убита // не знаю чово сталас // чово делат-та малодёш? // а тогда стон стоял / дарам што голодны / на траве были люди / как вечер так стон стоит // фсё была хорошо / а сечас фсё замерла // Красная Река (М-84; 3 кл.).

Жизненные наблюдения информантов-мужчин часто оказываются интересными не только с точки зрения наличия диалектных особенностей, но и с точки зрения содержательной: *А у нас са свинёй наравне // мы / што твой желудак што свининный желудак // я вот знаю / патому шта я на бойне // я изучил фсе болезни / фсё строение / как у человека / и такое / у свинье тожэ такое // я равнял человека ссвиньёй // вот / похожа ф точносси / фсё / желудак такой / фсё там такое // я*

равняю са свиньей... // сычук эта у свиньи как у нас / наши и свининный // Русские Юрткули (М-70; 7 кл.).

В рассуждениях о конфессиях встречаем множество интересных контекстуальных значений общеупотребительных лексем (русский 'русский православный', хресьянин 'православный', славянин 'христианин'): У нас кулугуры-та есьть / я веть проста / рускай чоловік / хресьяни'н // и фсё / я проста славя'нин и фсё / крешионай я / а те они не крешионы / у них софсем другая вера / ты панимаеш / оне не хресьянской веры / оне хресьянской веры / а исповедают па-другому / ты панимаешь? / у них законы софсем другие // Крестово-Городище (М-85; 4 кл.).

У женщин также встречаются обобщающие замечания о жизни, но, как правило, в рамках противопоставления теперешней жизни и бывалошной: Топерича па-другому / па-бывалышину ничево нет // Красная Река (Ж-92; 7 кл.); Бывала не едак была / топерь фсё па-другому / топерь не сходяща / а каждой семье где ни попала гуляют / каждый день // а тогда так не гуляли / а ф праздники ток // люди роботали / и вот в большы праздники фсе гуляли // вот сабиралис скока / и гуляли / и Масленцу / и Рожество / и Крешиэнье / и Паску // Красная Река (Ж-92; 7 кл.).

«Теперешняя» жизнь, как правило, описывается в отрицательных конструкциях: Фсе ф поле / весь нарот ф поле / а топерь кто ф поле? / **топерь нет никово** / машины // вот когда фсё убёрут с полей / колхоз делал им празьник / угоишали / подарки давали / кто ударник / День колхозьника был // **а топерь никто ни угоишат / ни подарки никому ничо ни даёт / ничо нет / фсё по-другому** // раньшы плоха жыли / а фсё делали // а топерь гуляют тока // Красная Река (Ж-92; 7 кл.); Висёлство' была ужаснае... // ну стон стоит эт прям ужас как хорошо была / **а шас ненай свадьба ненай нет / наедяца напьюца бум-бум-бум повихляюца и поили // не слуху не духу** // Красная Река (Ж-73; 7 кл.).

Лексические особенности мужских и женских текстов

Мужские диалектные тексты, как правило, характеризуются высокой информационной насыщенностью. В области лексики это свойство текстов информантов-мужчин связано с использованием слов с конкретной семантикой, в том числе диалектных элементов:

Кладёш вот эту **кужэ'ль** / **канопе'ль** кладёш накладёш / и наверх эдак тяжэсьть / и связываиш / и в Залото болота // она недели две помокнет / вытаскываиш / сушыиш / в баню // и были такеи **мялки** / потсавват и мнёт / и делат из нево куделю / вот иё пряли / в избу **стан** / уставвали и ткали // и **брюти** / брюти эт вон **ёлхушку** шиизкотурили и краси'ли // а **ткали** стан был / вносят в ы'збу / моя мать она начинат основу / зьделат / **бёрда** была // там **подношки** были / надну нажымат / она растопырица она / чолнок жмык / стук / чолнок жмык / стук // **ватолы** ткали / вот щас мы удевам удевалы / а эта ватолы были // вот ткали / вот износят **дарунна'** эта / из них резали и рвали / и ткали / эта называлась ватола // Красная Река (М-84; 3 кл.).

Как видно из приводимых примеров, использование диалектной лексики информанты-мужчины часто сопровождают метаязыковыми пояснительными высказываниями: *А есьть ещё грабе'льки называют / эта к косе приделывают / то есь штобы высокоай косить / хлеп / ево вить не так как траву посиыбать / а рас / косиш / и кладёш / штобы сноп связать нада // а снопы ставили п'ятки' называют / четыре снопа так / так / а наверху пятый вот прям втыкают колас на колас / эт штоп дождик кода идёт / стёкала // Крестово-Городище (М-85; 4 кл.).*

В текстах информантов-мужчин высокой частотностью характеризуются существительные с конкретно-предметным значением и глаголы со значением конкретного физического действия: *Снопы-та уберут / тут на земле-та зерно / ну метлой съметут / потом ссыпают / потом провеивают / лопатай черпают / на ветру кидают / ветер уносит мякину / ну што астаёца / остатки от коласа // Старая Майна (М-91; СС); Сети были ис хэбэ-нитак / рыбаки на нач ставили / утрам вынимали / сушили // рыбу выбирали / снасьть просушивали / ремонтировали / целый день / и вечерам опять выставляли // Крестово-Городище (М-63; СТ).*

В записанных женских текстах отмечается значительное число оценочных элементов, в частности более интенсивное, чем у мужчин, употребление качественных прилагательных и наречий, экспрессивной лексики, глаголов чувственного восприятия:

У ево мать осталас одна... // а больна уш характер нехорошый был / у съвекрови // и фсё-тки я опять ожа'лилас / хоть она ругалас / фсякие / то вот возврат делала многа // да / а жалка / зача'рела фся // пять лет уха-жывала за съвекровью... // а уш была такая ой страх не этим памянуть // выпивала жэ / да больна уш вири'на была // и вот иё / фся абросла / и по-стригла / и фсё иё вымыла / как за ребёнкам вымыю / в баню поведу // ой пять лет я за ней... // старшая сноха / я брезгаваю / я не могу / я говорю / а я не брезгаваю / отмою // Базарно-Мордовские Юрткули (Ж-80; 4 кл.). Записи женской речи весьма ценны именно как источник для пополнения диалектного словаря экспрессивной лексикой, которую не всегда удаётся зафиксировать в беседах о сельской трудовой деятельности: *Ты где блукала? // шаманяеши дапозна! // Старая Майна (Ж-82; 7 кл.); Што ты как ва'крычень сидиш? / подними таноно'-та / иди / пробзди'сь // Крестово-Городище (Ж-66; СС); У-у / воста'нашна / тока бы лизоблюдничала // еш / чо подали / разносолаф у нас нету // Крестово-Городище (Ж-85; 4 кл.); Ты фсю бутылку што ль один вы'глахтал? // Крестово-Городище (Ж-66; СС).*

Можно отметить некоторые различия в мужских и женских метаязыковых высказываниях толковательного содержания. Мужчины при пояснении значений диалектных слов обычно используют синонимы, часто в сопровождении слов *вот такой, типа*: *Дёрно'-та эт вы знаете што? // вон залок... не па'хана // вот свер'ху / ты панимаеш / слой небольшой снимаеца / эта дёрно' называеца // Крестово-Городище (М-85; 4 кл.); Во'рат / эта при'ват / запряжоны лошади / ходят по кругу / понятна? / там калёсо ф серётке стоит // он называлса врат // Крестово-Городище (М-85; 4 кл.);*

Была абдирка / вот калёсо такое / стояла // на нево жэртъ насунута и пара лашадей потстёгивали / и крутили / обдирка эт проса обдирали // Красная Река (М-84; 3 кл.); Донец вот такая доска / и дырачка тут // Ерыклинск (М-86; 7 кл.); Росли деревья диаметрам до двух метраф // осо'каръ называлса / типа то'паля // там толька кора вот такой тал-ишыны / вот толиэ руки // Старая Майна (М-91; СС); Морда конешна атличалас / типа корзинка / тожэ её ставили / она плетёная // Крестово-Городище (М-63; СТ).

У женщин толкование значения диалектного слова часто представляет собой микротекст описательного характера: *Знаите што такое мочала? // из липы делают // мочыли вот в лупке липу / обдирали / эти лупки в болоте мочыли // потом эта мочала вот аддирали / и ткали кули' // Старая Майна (Ж-82; 7 кл.); Стирала / делали шчолак // баню топят / кадушка / ф кадушку накладывают туда золы / и кипяток этот туда выливают // эт получаеца шчолак / она мылка вода // вот этим вот стирали // и головы мыли этим / мылис сами // Старая Майна (Ж-82; 7 кл.); Ну вот когда сънек таит // вот зима идёт / сънек // начинаца весна / таит / и кругом заливат фсё водой // раздополье называца // Кременские Выселки (Ж-74; 7 кл.).*

Синтаксические особенности мужских и женских текстов

Наблюдаются различия и в других языковых сферах, например на уровне высказывания они проявляются в предпочтении определённых синтаксических конструкций. Для женской речи характерны сложные, полипредикативные высказывания со вставными конструкциями поясняющего характера, с включениями прямой речи, противительными оборотами: *Избушка / эт вот маленьки канурушки / вон который прям с двум окошэчкам небольшим / старушка ш одна / куды гыт мне большу-та / эт шас хорошо с газам-та / а тогда ветъ дрова были / за ними нада ехать вон куда / на Волгу // хватит мне маленькой / зьделайте мне маленьку // Крестово-Городище (Ж-81; 7 кл.).* В мужской речи преобладают синтаксически простые высказывания со вставными конструкциями поясняющего характера: *А если вот двухэтажный дом каменный... / там дымохот был же насквось / и там и наверху голанки / и нанизу голанка / дом двухэтажный / притом дом с флигилем / это вот со лбом такой вот / карнис у нево / фсё / эта флигель // а вот этот наш дом / видиш у нево нет лба / эт шатровы называюца // а эти / сени / то есть придел / оне были неабязательна из лесу / вот хвораст / галотальник / каротальник был называлса // Крестово-Городище (М-85; 4 кл.).* Приведём для сравнения ответ на вопрос о двухэтажных домах из интервью женщины из этого же села: *Ну тода у нас двухэтажэнки не были / эт шас вон гляди-к вишырь растопырились как // во шас / а ты-та для чево эта столбики зьделал? / я их камнем обделаю / у меня тут будет двухэтажна / комната моя пфу ты... // а тогда этава не была ничово / кануры были // Крестово-Городище (Ж-81; 7 кл.).* В этом фрагменте снова наблюдаем вкрапления прямой речи, конструкцию с про-

тивительными отношениями и отрицанием (*эт ишас... а тогда этава не бы-ла ничово*). Текст информанта-мужчины содержит подробное описание устройства двухэтажного дома и сопоставление его с другим типом дома, что выражается при помощи экзистенциальных и локативных конструкций.

Некоторые итоги исследования

Разрабатывая тактику сбора диалектного материала, опытный диалектолог не может не учитывать влияние гендера на речевое поведение диалектоносителя. Как правило, гендерная принадлежность информанта влияет на выбор тем для беседы или целенаправленного опроса по программе. Видимо, гендерный потенциал диалектоносителя может быть использован в сборе диалектного материала, в частности диалектной лексики, более эффективно. Однако изученные мужские и женские диалектные тексты подтвердили важность и других параметров, таких как уровень образования и характер социальной активности информантов. В указанной книге С.А. Мызникова приводятся тексты А.П. Чекменёвой из села Ахмасиха Чувашской Республики (на момент записи ей было 85 лет). В войну она три года работала председателем колхоза, социально активны были и её братья: «У меня братья' были, оне были все председателями колхоза «Подборный», все четыре брата... Все были у меня братья' учёны» [14. С. 245]. По текстам этой женщины видна её очень высокая компетентность во всех вопросах сельскохозяйственной деятельности: полеводство, животноводство, обработка льна, конопли, прядение, ткачество, плетение лаптей, постройка саней и т.д. В текстах представлено значительное количество лексики терминологического характера: *уса'да, ка'рда, клюшо'к, се'нница, по'сконь, мя'льца, костри'га, руче'нька, стан, наво'й, наби'лки, челно'к, це'вка, бё'рдо, мотови'ло, вью'шки, снова'льни, па'сма, луто'шка, кочеды'к, коло'дка, чеку'шка* и мн. др. Социальная активность, интерес ко всем сторонам сельской жизни, высокая языковая компетенция нивелируют итак не слишком значительные различия в оформлении мужских и женских текстов. Всё это вполне соответствует выдвигаемому А.В. Кирилиной положению о том, что гендер можно рассматривать как параметр переменной интенсивности [15].

Итак, подводя некоторые итоги нашим наблюдениям над записями мужской и женской диалектной речи, можно отметить, прежде всего, различные тематические предпочтения информантов-мужчин и информантов-женщин, что непосредственно связано с их социальными ролями в традиционном обществе. Также различия могут быть связаны с преимущественным использованием определённых групп лексики. Можно указать и на некоторые различия в построении высказывания, в характере метаязыковых комментариев.

Литература

1. Кирилина А.В., Томская М.В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya> (дата обращения: 26.02.2019).

2. Кирилина А.В. Гендер: Лингвистические аспекты. М. : Ин-т социологии РАН, 1999. 189 с.
3. Горошко Е.И. Особенности мужского и женского стиля письма // Гендерный фактор в языке и коммуникации : сб. науч. тр. МГЛУ. М., 1999. Вып. 446. С. 28–41.
4. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелева. М., 1993. С. 90–136.
5. Горошко Е.И. Гендерная проблематика в языкознании // Введение в гендерные исследования. Ч. 1 / ред. И.А. Жеребкиной. Харьков ; Санкт-Петербург, 2001. С. 508–543.
6. Кожанова Н.В. Гендерные исследования в области языка и коммуникации // Вестник АлтГПА: Гуманитарные науки. 2014. № 21. С. 40–43.
7. Wardhaugh R. An introduction to sociolinguistics. 5th ed. Oxford ; Malden, MA : Blackwell, 2006. P. 418.
8. Дробышева Т.В. Художественный текст в гендерном аспекте // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2008. № 1. С. 34–37.
9. Шпильман Н.В. Гендерный аспект речевой маски: постановка проблемы и поиск ориентиров // Вестник НГПУ. 2014. № 3 (19). С. 68–74.
10. Yokoyama O.T. Gender linguistic analysis of Russian children's literature // Slavic Gender Linguistics / ed. by M.H. Mills. Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1999. P. 57–84.
11. Богданова-Бегларян Н.В. и др. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб. : Лайка, 2016. 244 с.
12. Демешкина Т.А., Толстова М.А. Гендерная диалектология и словари как ее источник // Вопросы лексикографии. 2017. № 12. С. 83–105.
13. Кавинкина И.Н. Проявление гендера в речевом поведении носителей русского языка. URL: http://ebooks.grsu.by/kavinkina_gender (дата обращения: 28.02.2019).
14. Мызников С.А. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл. СПб. : Наука, 2005. 640 с.
15. Кирилина А.В. Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации. URL: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/kirilina1.htm> (дата обращения: 09.03.2019).

The Influence of Gender on Dialect Speakers' Speech Behaviour

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 66. 132–143. DOI: 10.17223/19986645/66/7

Yanina V. Myznikova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: janinam@mail.ru

Keywords: communicative dialectology, gender, genderology, dialect vocabulary, metalinguistic utterances.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 17-29-09021.

In the article, the gender approach is used in the context of a dialectological study in order to identify the features of dialect discourse that could be caused by the gender characteristics of informants. Russian dialect data collected in the Middle Volga region became the source of the material for this study. First of all, attention is drawn to the thematic content of male and female dialect texts, which is connected with the circle of male and female occupations. Women's interest is directed inside the "inner circle", her own microcommunity. Thus, the female dialect discourse includes the house, the way of life, economy, family, local traditions, rites, holidays, games, etc. Subjects of male texts cover the "distant" human environment. The main topics of the male dialectal discourse

are agricultural activities, building, crafts, and fishing. The texts of male informants are on the history of the village, family, local microtoponyms, the ethnic and confessional history of the land, features of local nature. The informativity of male texts is manifested in different spheres of language. In the lexical sphere, men mostly use dialect units with concrete meanings often introduced by metalinguistic explanatory commentaries; substantives with objective meaning and verbs of concrete action prevail. Women mostly use evaluative adjectives and adverbs, verbs of sense perception. Records of female dialect speech are a very valuable source for the replenishment of the dialect dictionary with expressive vocabulary, which is not always possible to fix in conversations about rural labour. Syntactically, women use more complex, generally polypredicative utterances with explanatory inserts, quotations of direct speech in their texts; men generally use simple utterances. The dialect speaker's gender potential can be used more efficiently when collecting the dialect data. However, the study of male and female dialect texts has shown that the gender factor in dialect discourse interacts with other social parameters, such as, for example, informants' level of education and pattern of social activity, which can level out and neutralise the influence of the gender factor on the organisation of the dialect text.

References

1. Kirilina, A.V. & Tomskaya, M.V. (2005) Lingvisticheskiye gendernyye issledovaniya [Linguistic gender studies]. *Otechestvennyye zapiski*. 2. [Online] Available from: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernyye-issledovaniya>. (Accessed: 26.02.2019). (In Russian).
2. Kirilina, A.V. (1999) *Gender: Lingvisticheskie aspekty* [Gender: Linguistic Aspects]. Moscow: Institute of Sociology of RAS.
3. Goroshko, E.I. (1999) Osobennosti muzhskogo i zhenskogo stilya pis'ma [Features of male and female style of writing]. *Gendernyy faktor v yazyke i kommunikatsii*. 446. pp. 28–41.
4. Zemskaya, E.A., Kitaygorodskaya, M.A. & Rozanova N.N. (1993) Osobennosti muzhskoy i zhenskoy rechi [Features of male and female speech]. In: Zemskaya, E.A. & Shmeleva, D.N. (eds) *Russkiy yazyk v ego funktsionirovanii* [Russian Language in Its Functioning]. Moscow: Nauka. pp. 90–136.
5. Goroshko, E.I. (2001) Gendernaya problematika v yazykovedenii [Gender Issues in Linguistics]. In: Zherebkina, I.A. (ed.) *Vvedenie v gendernyye issledovaniya* [Introduction to Gender Studies]. Pt. 1. Kharkiv: KCGS; Saint Petersburg: Aletyya. pp. 508–543.
6. Kozhanova, N.V. (2014) Gender research in the sphere of language and communication. *Vestnik AltGPA: Gumanitarnyye nauki*. 21. pp. 40–43. (In Russian).
7. Wardhaugh, R. (2006) *An introduction to sociolinguistics*. 5th ed. Oxford; Malden, MA: Blackwell.
8. Drobysheva, T.V. (2008) Khudozhestvennyy tekst v gendernom aspekte [Literary text in a gender aspect]. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistsika – Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. 1. pp. 34–37.
9. Shpil'man, N.V. (2014) Gender aspect of speech mask: the problem and search landmark. *Vestnik NGPU – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 3 (19). pp. 68–74. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1403.07
10. Yokoyama, O.T. (1999) Gender linguistic analysis of Russian children's literature. In: Mills, M.H. (ed.) *Slavic Gender Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. pp. 57–84.
11. Bogdanova-Beglaryan, N.V. et al. (2016) *Russkiy yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh* [Russian Language of Everyday Communication: Features of Functioning in Different Social Groups]. Saint Petersburg: Layka.

12. Demeshkina, T.A. & Tolstova, M.A. (2017) Gender dialectology and dictionaries as its source. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 12. pp. 83–105. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/12/5
13. Kavinkina, I.N. (2006) *Proyavlenie gendera v rechevom povedenii nositeley russkogo yazyka* [The manifestation of gender in the speech behavior of Russian speakers]. [Online] Available from: http://ebooks.grsu.by/kavinkina_gender. (Accessed: 28.02.2019).
14. Myznikov, S.A. (2005) *Russkie govory Srednego Povolzh'ya: Chuvashskaya Respublika, Respublika Mariy El* [Russian Dialects of the Middle Volga Region: Chuvash Republic, Mari El Republic]. Saint Petersburg: Nauka.
15. Kirilina, A.V. (2002) *Vozможности gendernogo podkhoda v antropoorientirovannom izuchenii yazyka i kommunikatsii* [Possibilities of a Gender Approach in Anthro-Oriented Learning of Language and Communication]. [Online] Available from: <http://www.gendercent.ryazan.ru/kirilina1.htm>. (Accessed: 09.03.2019).